

РАЗДЕЛ I ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Part I. FROM THE HISTORY OF PHILOSOPHY OF EDUCATION

DOI: 10.15372/PHE20160401

УДК 13(09)+37.0(09)

ИСТОКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В АНТИЧНОЙ ПАЙДЕЕЙ

А. А. Корольков (Санкт-Петербург)

Античная пайдейя рассматривается в статье как исток современной педагогической антропологии. Автор опирается на фундаментальный труд Вальтера Йегера «Пайдейя. Воспитание античного грека (Jaeger W. Paideia. Die Formung des griechischen Menschen)». Основное внимание уделяется принципам формирования человека в диалогах Платона, где образование человека трактовалось как дело всей жизни.

Ключевые слова: пайдейя, педагогическая антропология, идеал, человек, Платон, Исократ, нормы, идеи.

THE SOURCES OF PEDAGOGICAL ANTHROPOLOGY IN ANCIENT PAIDEIA

A. A. Korolkov (Saint Petersburg)

The ancient paideia is treated in this article as a source of modern pedagogical anthropology. The author relies in his research on the fundamental work «Paideia. Die Formung des griechischen Menschen» by Walter Jaeger. The main attention is paid to the principles of formation of the person's character in Plato's dialogues, where education of the individual was treated as the main task of the entire life.

Keywords: paideia, pedagogical anthropology, ideal, human being, Plato, Isocrates, norms, ideas.

© Корольков А. А., 2016

Корольков Александр Аркадьевич – профессор Института философии человека РГПУ имени А. И. Герцена, доктор философских наук, лауреат Премии Президента РФ в области образования, академик Российской академии образования.

Korolkov Aleksandr A. – Professor of the Institute of Philosophy of Human Being of the Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, winner of the Prize of the President of the Russian Federation in the field of education, Academician of the Russian Academy of Education.

Назидания родителей, мудрецов детям, подрастающим поколениям – едва ли не одно из древнейших явлений. Вряд ли есть хоть один народ, который не имел бы традиций предостережения от злых, опасных поступков. И хотя тогда, конечно, ни о какой педагогической антропологии еще не могло быть и речи, жизненные установки, правила совместного бытия людей издревле требовали своеобразной нравственности, а значит, и формирования ее в людях. Нравственное поведение зачастую противоречит инстинкту самосохранения, иначе невозможны бы были акты самопожертвования [1]. Предпосылки педагогической антропологии сложились в семейно-родовых традициях воспитания, в формировании качеств человека, ответственного за судьбу семьи, общины, а затем и народа, наследующего и отстаивающего отеческую веру, впитывающего родную культуру. Следовательно, предпосылочные основания будущей науки были созданы самой жизнью. Педагогическая антропология современного уровня не может не питаться опытом народного воспитания, ибо трудолюбивые, честные, совестливые, дружелюбные, отзывчивые люди вырастали не только под влиянием образования. Педагогика, как и вся светская культура, чтобы иметь прочные основания, обязана питаться соками народной культуры, ценностями традиций. Вряд ли существуют вершины культуры без народных предпосылок. В музыке это наиболее очевидно, но и педагогическая направленность на формирование человека будет ущербной без учета традиций народа в базовых ценностях воспитания.

Предпосылки науки воспитания, ее стихийно и сознательно складывающихся оснований уходят в глубину веков и у каждого народа имеют своеобразие. Иное дело, когда истоки уже зарождающейся протонауки о человеке, его воспитании для европейской культуры неотрывны от древнегреческой философии.

Истоки педагогической антропологии связаны с именами Сократа и Платона. Вальтер Йегер в своем исследовании «Пайдейя. Воспитание античного грека» убедительно обосновал, что «Платон первым увидел сущность философии в воспитании нового человека» [2, с. 193]. Фокус внимания философов смещается от натурфилософской проблематики, от размышлений о космосе, о субстанции к человеку, к его целостному развитию. Содержание философско-педагогической греческой мысли не может быть сведено к современной трактовке воспитания. В связи с этим отметим не вполне точный перевод на русский язык слова «Die Formung» (как «воспитание») в заголовке книги В. Йегера. Из контекста книги видно, что речь идет о формировании древнего грека во всей полноте воздействия на него наставников, собеседников, школы, в которой происходило такое формирование (формовка). Собственно, немецкое слово «Formung» имеет более глубокий смысл, чем слово «воспитание» [3].

Пайдейя в современной литературе истолковывается более широко, чем в книге Йегера: близко к тому, что в латинском языке обозначили термином «культура». Пайдейя – это внутренняя культура человека, культура души.

Вопрос об истоках педагогической антропологии, разумеется, не предполагает, что речь идет о существовании в античности той области знаний, которая претендовала на самостоятельный статус лишь начиная с книги К. Д. Ушинского «Педагогическая антропология» [4]. В то же время это свидетельствует о том, что в V–IV вв. до новой эры уже были поставлены вопросы, касающиеся рассматриваемого нами предмета. Подобным образом обстоит дело со многими науками: например, рождение эмбриологии историки биологии связывают с именами Жоффруа Сент-Илера, Каспара Вольфа, Карла Бэра, то есть ученых XVIII–XIX вв., в то время как всякий человек, имеющий достаточное представление о генезисе этой науки, знает, что противостояние учений преформизма и эпигенеза начинается с Гиппократов и Аристотеля, что последнему принадлежат труды о возникновении животных и об истории животных, что Аристотель исследовал и описал этапы эмбриогенеза от яйца до вылупившегося из него цыпленка.

Античность в европейской и русской культурах составляла основу классического образования. Классика – это идея глубины, гармонии и целостности. Классика – это совершенство традиций. К такому совершенству стремилась древнегреческая культура, она и создала совершенные образцы в архитектуре, скульптуре, философии, поэзии, астрономии, медицине и математике. Не стало исключением и учение о формировании человека на всех этапах его индивидуального становления.

Не во все времена Европа и Россия проявляли равное внимание к греческому языку, мифологии, поэзии, философии, но глубина образования неизменно предполагала освоение греческой культуры и не только освоение, но и включение в практическую педагогику, систему воспитания, формирования личности.

Пифагор, Эпикур, Сократ, Платон, Аристотель и своим собственным примером, и опытом своих школ показали, насколько необходимы, существенны преемственные отношения учителя и ученика. Платон выражал убеждение, что без учителя не может вообще появиться что-то яркое, выдающееся. Особое значение они придавали устному наставничеству, непосредственному диалогу [5]. Все великие философы Древней Греции имели своих наставников, учителей, это не всегда можно проследить документально, но факты бесед, контактов философов неоспоримо свидетельствуют о роли учительства в те далекие времена. Наиболее известны учительские влияния Сократа на Платона, а затем Платона – на Аристотеля.

Философия Сократа – этический антропологизм: в центре его внимания – человек в поисках жизненных ценностей: дружбы, справедливости, совести, храбрости и мудрости. Он противостоял софистам и словом, и поступками. В отличие от софистов никогда не брал денег за свои беседы. Для софистов все моральные нормы оказывались относительными, зависимыми от субъективных оценок человека. Используя словесные приемы, софист мог отстаивать любой тезис, граница между добром и злом, истиной и ложью стиралась, все зависело от софистической эквилибристики. Сократ освобождал человека от самоуверенности, искал истину вместе с собеседником. Его метод по праву называют диалектикой, ибо его диалоги – это и есть воплощенный диалектический метод, который впоследствии был подхвачен Кантом, Гегелем, Шеллингом и Фихте.

Образы софистов сохранились в истории преимущественно в сократовско-платоновской трактовке: это негативные образы корыстных учителей, использующих разнозначность слов (об этом писал позднее Аристотель в своих «Софистических откровениях»). Реальные софисты были, естественно, сложнее, и это обосновано историками философии и педагогики. Так называемые старшие софисты – Протагор, Горгий, Гиппий – подлинныя энциклопедисты, первые просветители, организовавшие школы в близком нам понимании. Несомненны их антропологические интересы, всем знаниям они стремились придать человеческое значение и измерение.

Греческая традиция непосредственного диалога, сотворчества учителя и ученика проявила свою силу во все последующие века. Это живая традиция педагогической антропологии. Ее исток – в школах Сократа, Платона, перипатетиков, в созвездии античных философов, ученых, государственных деятелей. Подлинный учитель не просто учил грамоте, математике, музыке, учитель в сократовско-платоновском значении должен был способствовать развитию способности задавать вопросы бытию, вопрошать, то есть мыслить проблемно, диалектически. Это те задачи формирования творческого мышления, которые наследовала диалектическая традиция в педагогике, ее актуализировали в XX столетии такие отечественные философы и педагоги, как Э. В. Ильенков, Г. С. Батищев, В. В. Давыдов.

Античность ценна во все времена не тем, что она расширяет нашу эрудицию, а своими вопросами. Вопросы, которые ставили греческие мыслители, были гениальны и стимулировали творчество не только учащихся, но и ученых. Что является основой всего существующего в мире, то есть субстанцией? В XX в. физики считали своим открытием атомы, элементарные частицы, однако не случайно лауреат Нобелевской премии Шредингер написал статью «2400 лет квантовой механики», физики прекрасно знали об атомистике Демокрита и Левкиппа, в которой

атомы рассматривались как субстанция. Лейбниц, вписавший свое имя в историю философии и математики своим вниманием к вопросу, который был поставлен Зеноном в его апории «Стрела», определил открытие дифференциального исчисления, пытаясь объяснить, что происходит с движущейся стрелой на бесконечно малых отрезках и в бесконечно малое мгновение: как стрела, чтобы находиться в движении, может быть одновременно и в одном месте, и в другом.

Множество вопросов воспитания, образования, относящихся к категории вечных, были поставлены древнегреческими философами. Это своего рода научные, концептуальные программы [6] на многие века вперед. К таким антропологическим программам следует по праву отнести целостное учение о духовном и телесном здоровье. Теории и практики пайдеи в Древней Греции строились во многом на достижениях медицины.

В упомянутом труде В. Йегера «Пайдейя. Воспитание античного грека» обширный раздел посвящен медицине, ее значению для формирования человека, его воспитания. Это может показаться излишеством, неоправданным отступлением от педагогической тематики. Между тем медицина всегда вносила свою лепту в теорию и практику воспитания. Сократ и Платон понимали арте (гражданскую доблесть, истинную добродетель) прежде всего как здоровье души. «В высоком смысле слова можно сказать, что греческий идеал образования был также и идеалом здоровья» [7, с. 47].

Не следует думать, что педагогическая мысль в античности была однородной. Стоит обратиться к платоновскому диалогу «Протагор», чтобы убедиться, насколько остро разворачивалась дискуссия между Сократом и софистами о стратегии и методах воспитания. Сократ ставит перед юношей, который собрался учиться у софистов, вопрос: знаешь ли ты «кому вверяешь свою душу и для чего – для хорошего или дурного?» [8, с. 193]. И Платон устами Сократа побуждает юношу усомниться в том, что пришлый учитель, который, подобно торговцу развозит знания по городам, привозит добротный товар, что он способен оздоровить душу. Протагор ставил целью обучения искусство управления государством и собственным домом. И хотя Протагор не желает отождествлять себя с теми учителями-софистами, которые нагружают учеников разнообразными знаниями, все же обнаруживается принципиальное отличие его от Сократа, для которого знания питают душу, наполняют ее добродетелью, врачуют. Сократ не называл себя «врачеватель душ», но его метод бесед не оставляет сомнений в том, что фактически он стремился быть таким врачевателем.

Противоположные принципы формирования человека в образовании имели Платон и Исократ. Они были почти ровесниками – датой смерти

Платона считают 348 г. до РХ, а Исократу – 338 г. Имя Исократу, несомненно, менее известно современному читателю, чем имя Платона, хотя в истории педагогики – это антиномия, определившая исторические пути развития образования.

Исократ – ученик Горгия и других софистов, выдающийся ритор, сочинитель многих воззваний к народам и правителям. Учиться у него стремились многие, Цицерон имел все основания сказать, что дом Исократу был мастерской все Эллады. Его могли одновременно слушать до ста учеников разных возрастов. Из его школы вышел Ликург. О степени влияния Исократу на иноземцев говорят отклики римлян, в том числе Цицерона. В «Риторике» Аристотелю использованы приемы Исократу как образцы мастерства построения текстов и речей.

В отличие от Платона Исократ не оставил философского наследия, но его ученики проявили себя во многих областях, и фигура Исократу по праву притягательна для историков педагогики. О нем подробно писали многие исследователи методов воспитания в античности. Из переведенных на русский язык классических работ на эту тему, кроме отмеченной выше книги В. Йегера, заслуживает внимания «История воспитания в античности (Греция)» А.-И. Марру, написанная во Франции во время Второй мировой войны [9].

Характерно, что Марру меньше внимания уделяет оригинальным философам Греции, его интересуют проблемы воспитания, в связи с этим ему более интересны софисты и спартанцы, нежели Гераклит или Эмпедокл. Это описательная история с достоинствами и недостатками данного жанра, книга не помогает понять, почему Греция дала столько мыслителей, как на ее расцвет повлияла система воспитания. Марру, противопоставляя Исократу Платону, писал: «Речь не идет о восхождении в небо Идей, об игре парадоксами: практическая жизнь требует не новых потрясающих идей, а испытанного здравого смысла, источником которого является традиция» [9, с. 132]. Понятно, что философам было что возразить подобным утверждениям, ибо даже практическая жизнь невозможна без творческого отношения к новым идеям, без устремленности к высшим смыслам бытия человека.

Платон высоко ценил образное мышление, в его диалогах обнаруживается неразрывность философии и поэзии, наполненной художественными образами. «Пир» – это воплощенная гармония философии и поэзии, но в то же время демонстрация превосходства философии над поэзией. Поиски Платоном идеального государства невольно сближали его с идеализацией воспитательной роли государства, которая была в его время реализована в Спарте. Принцип государственного воспитания ему импонировал, но он не мог принять казарменные принципы Спарты, где «высший смысл государства – пайдейя, то есть систематическое утрое-

ние жизни в согласии с определенными принципами, подчиняющее всех индивидуумов абсолютной норме» [2, с. 118].

В то же время прозорливость Платона проявилась в том, что он указал на необходимость усвоения в воспитании общественно значимых норм, включенности человека в жизнь государства и преодоление индивидуализма, атомизированности человека. Противоречия индивидуальной свободы и социальных норм, удерживающих целостность государства, воспроизводились в истории человечества постоянно, и мысли Платона не теряли актуальности. Йегер констатирует: «Государство – как его понимали греки – всецело приобретало политико-воспитательный характер. Из глубинных жизненных потребностей государства выросла воспитательная идея, признающая знание – новую могущественную силу той эпохи – человекообразующей силой» [2, с. 337].

Идеи Платона нацеливали на стремление в воспитании к высшим образцам. Чувственные вещи – это лишь отпечатки идеальных образцов, прототипов. Любовь, например, в ее идеальном воплощении недостижима, но это тот маяк, предел, к которому человек может стремиться. Математики неслучайно считают, что Платону принадлежит постановка проблемы предела. Он действительно высоко ценил математическое знание: над входом в открытую им академию были начертаны слова: «Не геометр да не войдет!» (кстати, широко используемое впоследствии слово «академия» возникло достаточно случайно, поскольку школа Платона располагалась в том месте Афин, которое называли по имени героя Академа).

В обыденной жизни люди, согласно Платону, часто обманываются, поскольку доверяют внешним впечатлениям. Опровергая подобный наивный реализм, Платон прибегает к образу пещеры со слабым освещением, где находящимся в ней людям видны лишь тени вещей, а не сами вещи. Чувственный мир – это и есть человеческая пещера, от которой скрыт подлинный мир, его познание возможно лишь с помощью разума. Этот известный образ Платона часто упрощается, хотя мысль его чрезвычайно глубока. Невозможно лишь чувственно распознавать какую-либо встречающуюся в жизни вещь как прекрасную, необходимо обладать идеей прекрасного, чтобы в свете ее видеть любую вещь как прекрасную или безобразную.

В диалоге «Государство» Платон выделяет три сословия и соответственно три способности человеческой души: 1) разумная (идеально-умственная) – это философы; 2) целесообразно-волевая – это воины, стражи; 3) инстинктивно-чувственная – это крестьяне и ремесленники. В идеальном государстве правителям требуется философская глубина, они обязаны быть разумными кормчими. Добродетелью воинства должно быть мужест-

во, а основными добродетелями третьего сословия Платон считал трудолюбие, умеренность, почитание правителей и воинства.

Все сословия требуют соответствующего воспитания, поскольку у каждого человека свое предназначение. Особое воспитание требуется для монарха, поскольку монарх должен служить не отдельным группам людей, а государству и всем его гражданам. Монархия может быть наилучшей формой правления, если будет строиться на мудрости правителя и разумных законах, но монархия становится наихудшей формой правления, если превращается в тиранию. Когда ослабевает сила власти монарха, приходят энергичные честолюбцы и стяжатели – наступает демократия, которая способна привести к охлократии – власти толпы, после чего не находится иного варианта, кроме тирании.

Масштабность взглядов Платона на формирование человека выразилась в том, что воспитание отдельного человека неразрывно связано с политикой, правом, этикой, педагогикой, с совокупностью задач государства. Государство – это большой человек. Спасти от вырождения, по Платону, можно только через систему воспитания. Особым образом следует воспитывать правителей, чтобы их не увлекал частный, своекорыстный, честолюбивый интерес, а заботила идея общего блага.

Высшие ступени образования Платон связывал с глубоким постижением философии и самостоятельным включением молодого человека в философские споры. Оспорить своего учителя можно лишь на стадиях изучения диалектики, философии, а это происходит после тридцати лет, то есть в зрелом возрасте. Напомним, что образование для Платона – дело всей жизни. Высшее образование должно начинаться после воинской службы юношей, около десяти лет необходимо постигать различные науки. По мнению Платона, пятьдесят лет уходит на то, чтобы вырастить человека. Хотя и принято считать, что античность не знала понятия «личность», в воспитании личностный подход к ученику проявился и в платоновской академии, и в аристотелевском ликее (лицее). Марру даже пришел к выводу, что Платон заложил «основы персоналистического образования философа классического типа» [9, с. 116].

Весьма значима для понимания пайдеи Платона не только работа «Государство», но и его позднее сочинение «Законы», хотя многие исследователи трудов великого философа считали, что он изменил в «Законах» прежним своим сократовским симпатиям. При внимательном изучении текстов Платона обнаруживается, что и своими «Законами» он творчески превосходил своих современников, хотя внешне ушел от бесконечных сомнений и стал утверждать необходимость устойчивости жизни общества, то есть стал консерваторм. Своими «Законами» он противостоял стереотипам эпохи, то есть парадоксально показывал, что творчество и консерватизм – не антиподы, если они разумны.

В учебниках по истории философии и педагогики до сих пор встречаются отрицательные оценки позднего Платона, который будто бы утверждал, что человек – это кукла в руках богов. Но в «Законах» о куклах на самом деле говорит Афинянин, причем не утверждая, а лишь предполагая: «Представим себе, что мы – живые существа – это чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то серьезной целью: ведь это нам неизвестно» [11, с. 108]. Кроме того, следует обратить внимание на то, что приведенное высказывание сам Платон называет мифом: «Этот миф о том, что мы куклы, способствовал бы сохранению добродетели; как-то яснее стало бы выражение “быть сильнее или слабее самого себя”. Таким образом порок и добродетель будут у нас яснее разграничены» [11, с. 109].

Таким образом, Платон и в «Законах» не изменяет идеалам Сократа, мудро и дальновидно размышляет о задачах воспитания. Его диалоги значимы для педагогической антропологии. Верно отметил В. Ф. Эрн – русский философ начала XX в.: «Мы должны обозреть творения Платона в поисках основной записи его духовного опыта» [12, с. 473].

В ранних работах Платон считал, что идея и реальная жизнь несопоставимы, поэтому философ не должен заниматься общественными делами. Позднее он пытался приблизить мир идей к их земной реализации: в видимом мире есть восприимчивость к идеальному – к добру, истине. Земное стремление возвыситься к божественному Платон называл любовью. Любовь – это стремление смертного и конечного приблизиться к бессмертному, бесконечному, это стремление к красоте, к идеальному, это Эрос в его возвышенных формах. «Эрос – не бог, но нечто божественное, посредник между вечной и смертной природой, могучий демон, связывающий небо и землю... Высшее явление Эроса в душах добродетельных и истинно философских побуждает их к рождению, но не в смертном “бывании”, а в красоте и бессмертии» [13, с. 216], а это возможно только в творчестве.

Платон всегда был близок русской культуре, и о нем у нас писали несравнимо больше, чем об Аристотеле. Платон своей поэтичностью, стремлением к идеальному приближал культуру к новому историческому этапу развития в лоне христианской религии. Он даже по-своему писал о внутреннем и внешнем человеке, предвосхищая учения патристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бородай Ю. М.** От фантазии к реальности (происхождение нравственности). – М. : ИФ РАН, 1995.
2. **Йегер В.** Пайдейя. Воспитание античного грека. – М., 2001. – Т. 1.
3. **Jaeger W.** Paideia: Die Formung des griechischen Menschen. – Berlin; Leipzig, 1936.

4. Ушинский К. Д. Педагогическая антропология. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. – М.: Изд-во УРАО, 2002.
5. Безрогов В. Г. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. – М., 2008. – С. 124–211.
6. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. – М., 1980.
7. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. – М., 2001. – Т. 2.
8. Платон. Протагор // Платон. Сочинения: в 3 т. – М., 1968. – Т. 1, ч. 2.
9. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). – М.: Просвещение, 1998.
10. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Жизнеописание. – М., 1977.
11. Платон. Законы // Платон. Сочинения: в 3 т. – М., 1972. – Т. 3, ч. 2.
12. Эрн В. Ф. Верховное постижение Платона // Эрн В. Ф. Сочинения. – М., 1991.
13. Соловьёв В. С. Платон // Соловьёв В. С. Собрание сочинений. – СПб., 1907. – Т. IX.

REFERENCES

1. Boroday Yu. M. (1995). *From Fantasy to Reality (The Origin of Morality)*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Publ., 297 pp. (In Russian)
2. Jaeger W. (2001). *Paideia: The Education of Ancient Greeks*. Moscow, vol. 1. (In Russian)
3. Jaeger W. (1936). *Paideia: Die Formung des griechischen Menschen*. Berlin und Leipzig.
4. Ushinsky K. D. (2002). *Pedagogical Anthropology. Human Being as an Object of Education. Essay in Pedagogical Anthropology*. Moscow: URAO Publishers Publ. (In Russian)
5. Bezrogov V. G. (2008). *The Traditions of Schooling and the Institute of Schools in Ancient Civilizations*. Moscow, pp. 124–211. (In Russian)
6. Gaidenko P. P. (1980). *The Evolution of the Concept of Science*. Moscow. (In Russian)
7. Jaeger W. (2001). *Paideia: The Education of Ancient Greeks*. Moscow, vol. 2.
8. Plato. (1968). *Protagoras*. Plato. Works: in 3 vols. Moscow, vol. 1, part 2. (In Russian)
9. Marrou H.-I. (1998). *The History of Education in Antiquity (Greece)*. Moscow : Prosveshchenniye Publishers Publ., 410 pp. (In Russian)
10. Losev A. F., Takho-Godi A. A. (1977). *Plato: Biography*. Moscow. (In Russian)
11. Plato. Laws. (1972). In: Plato. Works: in 3 vols. Moscow, vol. 3, part 2. (In Russian)
12. Ern V. F. (1991). The Supreme Understanding of Plato. In: Ern V. F. *Works*. Moscow. (In Russian)
13. Solovyev V. S. Plato. (1907). In: Solovyev V. S. *Collected Works*. St. Petersburg, vol. IX, pp. 196–228. (In Russian)

Принята редакцией: 15.04.2016